
Алия Низамова

АКТИВНОЕ ДОЛГОЛЕТИЕ И ВНЕШНИЙ ВИД: КАК ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ РЕГУЛИРУЕТ САМОВОСПРИЯТИЕ В СТАРШЕМ ВОЗРАСТЕ?

В статье рассматриваются особенности эстетизации старения в контексте популяризации концепции «активного долголетия» в России. Идея о возрасте выхода на пенсию как о периоде жизни, который должен быть использован для личностного роста и активной вовлеченности в общественную жизнь, все чаще используется для обоснования интервенций в личное пространство людей старшего возраста для повышения качества их жизни. Внимание обращено и на тему внешнего вида, заявляя о попытке реформирования стереотипных представлений о том, как выглядят люди старшего возраста в российском обществе. Целью статьи является анализ эффектов, производимых эстетизацией представления о внешнем виде представителей старшего поколения. В зарубежной литературе эстетизация старения рассматривается в соотношении с такими категориями, как гендер, сексуальность и идентичность. В этих исследованиях призыв к постоянной работе над телом для достижения «успешного старения» проблематизируется как одно из проявлений дискриминации на основании возраста – эйджизма. С другой стороны, постулируется необходимость приведения внешнего вида в соответствии с допустимой моделью старения. Опираясь на эти работы, мы используем метод дискурс-анализа для исследования представлений о внешнем виде, транслируемых в рубрике о моде и стиле популярного российского интернет-журнала для людей старшего возраста. Анализ публикаций показывает, что эстетизация внешнего вида позиционируется как предоставление доступа к участию в ранее закрытых практиках, одновременно налагая обязательства соответствовать новым представлениям о стандартах внешнего вида. Таким

Алия Наилевна Низамова – магистр факультета политических наук и социологии, Европейский Университет в Санкт-Петербурге, Россия. Электронная почта: aliyanizamova@gmail.com

образом, результаты исследования подтверждают, что в современной дискуссии об использовании концепции «активного долголетия» в отношении внешнего вида в старшем возрасте субъект призывается к постоянным переговорам для осмысления себя, своей телесности и способов управления ею для достижения продвигаемой модели «успешного старения».

Ключевые слова: старение, внешний вид, мода, третий возраст, активное долголетие

Тема активного долголетия все чаще встречается в современной дискуссии о представителях старшего поколения, выступая как универсальный способ достижения успешной и полноценной жизни. Такое представление связано с концепцией, предложенной геронтологами Джоном Роу и Робертом Каном, которая определяет «успешное старение» как образ жизни, позволяющий «достичь счастья» в старшем возрасте и состоящий из трех компонентов: низкая подверженность болезням, способность к когнитивному и физическому функционированию и активная включенность в общественную жизнь (Rowe, Kahn 1997). Впоследствии эта идея развивалась во многих других концепциях, исследующих субъективное благополучие в старшем возрасте, и в настоящее время широко используется для проведения интервенций в личную жизнь людей старшего возраста, направленных на улучшение ее качества. Вместе с тем некоторые исследователи критикуют модель «активного долголетия» в ее настоящем виде за элитистский подход и навязываемый характер, и ставят вопрос о том, с чем в действительности связано широкое распространение этой модели в некоторых странах достигающее уровня социальной политики: с заботой о людях старшего возраста или необходимостью удерживать их как можно дольше на рынке труда (Mendes 2013: 183).

Исследователи также отмечают, что использование модели активного долголетия при разработке программ социальной поддержки происходит вместе с переходом к представлениям об индивидуальной ответственности ее субъектов за собственное благополучие, коммерциализации процесса старения, необходимости потребления различных товаров и сервисов для поддержания активного образа жизни в старшем возрасте (Katz 2001; Jones et al. 2008: 109–110). В контексте рынка социальных услуг, развитие которого признается одной из стратегических задач современной российской социальной политики, наряду с обеспечением доступа людей старшего возраста к получению услуг в сфере образования, здоровья и культурно-развлекательных мероприятий, осуществляется попытка реформирования стереотипных представлений о внешнем виде. Например в исследовании общественного отношения к старению отмечалось, что модная индустрия игнорирует существование людей старшего возраста (Шмерлина 2013). Сегодня СМИ напротив

отмечают новые тренды: появляются медиапроекты, предлагающие переосмысление эстетического образа пожилого человека, открываются специализированные модельные агентства, проходят модные показы, проводятся курсы стиля на базе образовательных учреждений для взрослых. Какой эффект происходящие изменения оказывают на эстетизацию представлений о старении в России? В статье предлагается анализ данного процесса в контексте исследований телесности и старшего возраста.

Исследования эстетизации старения

В литературе тема внешнего вида и старения находится на пересечении с такими вопросами, как гендер, сексуальность, идентичность, класс. Проблематизация соотношения этих категорий появляется в зарубежных исследованиях старения вместе с развитием критической геронтологии в 1980-х гг. Как отмечают Кристофер Филлипсон и Ян Баар, исследователи в это время, критикуя работы предшественников, предлагают рассматривать старение в двух направлениях: относительно социального неравенства, с которым сталкиваются люди старшего возраста, и конструирования идентичности (Phillipson, Baars 2007: 78). Помимо политэкономической перспективы анализа неравенства в широком контексте работы социальных институтов, исследователи используют феминистский подход, описывая опыт старения как социально конструируемый (Сергеева 2012: 77). Так, например, ранние исследования разрабатывают концепцию двойной опасности (*double jeopardy*), отмечая повышенные шансы оказаться в дискриминируемом положении для женщин в старшем возрасте в сравнении с мужчинами или молодежью (Chappell, Havens 1980).

Признаются ограничения противопоставления исследуемых групп молодежи и мужчинам как неким «идеалам» из-за недостаточного внимания к другим параметрам, влияющим на позицию индивида в обществе и на жизненный опыт. В связи с этим Джулия МакМаллин пишет о необходимости пересмотра концептуализации формирования социальных неравенств (McMullin 1995: 41). Тони Каласанти и Нил Кинг показывают, что пересечение таких категорий, как возраст и гендер, не просто удваивают влияние дискриминации, но трансформируют ее особым образом в зависимости от расы, сексуальности и класса (Calasanti, King 2015: 195–198).

Сексуальность на протяжении долгого времени оставалась за рамками предмета исследований социальной геронтологии. В литературе различают исследования сексуальных практик и сексуальности: так, участие в сексуальных практиках традиционно связывается с людьми молодого и зрелого возраста (Gilleard, Higgs 2013: 87). Линн Сэндберг пишет об «асексуальных старичках» (*asexual oldies*) – стереотипном представлении о людях старшего возраста как полностью исключенных из участия в сфере сексуальной жизни. Основания этого представления заключаются в репрезентации

стареющего тела как неспособного вызвать сексуальное желание. Соответственно, субъект, обладающий таким телом, не может быть определен как «сексуальный». Постепенно *asexual oldies* частично заменяется противоположным представлением о «сексуальных пожилых» (*sexy seniors*) – людях старшего возраста, которые не только продолжают оставаться сексуально активными, но и способны при этом получать большее удовольствие от сексуального акта в сравнении с людьми молодого и среднего возраста (Sandberg 2015: 218–219).

Другое направление работ, исследующих тему социальной геронтологии, фокусируется на исследовании идентичностей и их трансформации. Барбара Маршалл пишет о «биполярном эйджизме» – дискриминации, основанной на противопоставлении «крайних» идеальных образов людей старшего возраста: негативного, находящегося в состоянии физического упадка и зависимости от других людей, и позитивного, «хорошо выглядящего», здорового, в хорошей спортивной форме человека, преодолевающего возрастные барьеры и достигающего успешной жизни в старшем возрасте. Таким образом, автор показывает, что идея об «анти-старении» не столько освободила индивида от ограничений идентичности «пожилого человека», сколько перевела его в положение, обязывающее к постоянному поддержанию определенной физической формы и внимательному отношению к моде (Marshall 2015: 210–215).

Схожим образом старение рассматривается через концепции квир-теории. Критикуя концепции «успешного», позитивного понимания старения, подхваченные СМИ и разработчиками социальной политики в отношении людей старшего возраста, Сэндберг противопоставляет ему идею *embracing shame* – принятия и переосмысления «негативного» образа (Sandberg 2008). Она отмечает, что в рамках дискурса о позитивном старении стареющие тела и старший возраст конструируются в условиях неолиберальной культуры потребления, основывающейся на необходимости совершенствования тела и приобретении продуктов, позволяющих достигать «успешного» старения, что не отражает реальных потребностей людей. Тем самым поддерживается параллельный дискурс, связывающий старение с упадком, продолжая оказывать негативное влияние на проживаемый опыт людей старшего возраста. Переход к «позитивному старению», таким образом, не вытесняет понимание старения как увядания, а лишь оформляет эйджизм новыми терминами. Необходимость привести женское стареющее тело в состояние, соответствующее идеалу сексуально привлекательного, красивого молодого тела, и невозможность этого понимается как «провал», «неудача» в исполнении дискурсивного предписания. Здесь Сэндберг обращается к идее Джудит Хальберстам о двух модусах гетеронормативного временного пространства – «времени для репродукции» и «времени наследования», проживание которых постулируется как необходимое для достижения «успешной старости», обращая внимания

на то, что только определенный вид проживания этих модусов считается морально допустимым (Sandberg 2008).

Моральный императив «благопорядочной» старости, таким образом, становится еще одним инструментом, регулирующим и оформляющим жизненный опыт. В рамки регулирования входит не только то, как человек ведет себя, но и то, как он одевается. Джулия Твигг, разрабатывая категорию внешнего вида (*appearance*), пишет о том, что одежда подчиняется порядку на протяжении всего жизненного цикла, например, в старшем возрасте оценивается либо как «уместная», подходящая, либо как неуместная, тем самым указывая на социальное исключение, выступая средством дисциплинирования стареющего тела (Twigg 2015). Другой атрибут внешнего вида – прическа – точно так же «упорядочивается»: седые волосы, которые «назначены» атрибутом старости, могут стать поводом к проявлению дискриминации, в связи с чем их стараются скрывать (Ward 2015).

В своем анализе Твигг показывает неоднозначность моды для следующих ее правилам субъектов, ее двойственный статус: с одной стороны, мода воспринимается критиками как средство субординации, с другой – как то, от чего люди могут получать эстетическое удовольствие и поддержку в условиях переживания в старшем возрасте пренебрежения и недостаточного внимания. Однако новые возможности заключают в себе и новые требования, поскольку мода обеспечивает включение людей в процесс поддержания нормативной женственности через практики потребления (Twigg 2013).

В этой части работы были определены основные концепции, позволяющие анализировать изменения, происходящие в отношении людей старшего возраста в настоящее время в России. При исследовании внешнего вида в старшем возрасте становятся особенно значимыми соотношение возраста и гендера, сексуальности, класса, а также их взаимодействие между собой. Кроме того, необходимо фокусировать внимание на «моральном» характере предписаний по поводу внешнего вида, предъявляемых субъектам старшего возраста. Еще одной важной темой является мода, выступающая одновременно как средство социального контроля и источник эмоциональной поддержки. Таким образом, можно предположить, что как в СМИ, так и в работе некоммерческих организаций и социальной политики в отношении людей старшего возраста дискурс об активном долголетии формирует «положительный» образ пожилого человека как активного, поддерживающего себя в «хорошей» форме (интеллектуально, физически и морально); следящего за модой, но одевающегося «уместно». Эти положения противопоставляются «старому» дискурсу о человеке старшего возраста как объекте опеки социальной политики, патологизированном субъекте, обладающим телом с множественными гериатрическими болезнями. В следующей части статьи будет проведен анализ дискурса о продвижении концепции активного долголетия в российском обществе относительно внешнего вида человека старшего возраста.

Анализ текстов: интернет-журнал «Третий возраст»

Для эмпирического анализа был выбран интернет-журнал «Третий возраст» как один из наиболее посещаемых ресурсов (более пяти тысяч человек в день)¹, чьей целевой аудиторией являются люди старшего возраста. Название журнала отсылает к концепции, исследуемой геронтологом Питером Ласлетом, предлагающим различать четыре возраста в жизненном цикле человека: первый, связанный с зависимым от других положением, началом социализации, второй – период независимости, ответственности за себя и других, активного участия в рынке труда, третий – время выхода на пенсию; четвертый период, когда человек вновь возвращается к зависимому от других положению из-за гериатрических болезней (Laslett 1987, 1994; Lynott, Lynott 1996). «Третий возраст» активно используют в современном российском дискурсе, предлагая понимать время после выхода на пенсию как период, который должен быть продуктивно использован для личностного роста и активного участия в делах общественности.

Авторы интернет-журнала определяют целевую аудиторию своего издания как «люди от 50-ти и старше». Под названием журнала располагаются лозунги, из которых два обращаются к теме возраста: «Подари себе молодость!» и «Стареть не модно!». В разделе «Кто мы такие» руководитель проекта определяет специализацию журнала на теме образа жизни в старшем возрасте:

Наш интернет-журнал вам поможет. Мы вселим в вас оптимизм. Мы расскажем вам о ваших ровесниках, которым улыбнулась фортуна. Вы почувствуете, что «третий возраст» – это этап жизни, а не начало конца. Мы вспомним о событиях, очевидцами которых вы были, о людях, которыми вы восторгались в молодости. Мы будем бороться с бытующим еще кое-где в стране презрением к старости (Материал 1).

В статье мы фокусируемся на разделе «Красота и стиль», в свою очередь, состоящего из следующих рубрик: «У зеркала», «Индустрия красоты», «Возрастная косметология», «Мужчина, который хорошо одевается», «В гостях у Коэна»² и других. Общее количество статей во всех рубриках данного раздела составляет около 650 публикаций. Они состоят из текстов, фото- и видеоматериалов, оформленных тематическими заголовками.

В содержании статей можно выделить два основных способа предоставления информации. К первому относятся обучающие тексты и фото- и видеоматериалы: представлены советы по подбору одежды, причесок, аксессуаров и макияжа для людей старшего возраста: «*Какой должна быть одежда больших размеров для пожилых?*», «*Модная летняя*

¹ Статистика посещений сайта доступна его пользователям благодаря сервису «Рейтинг Mail.ru», размещенному внизу главной страницы (www.3vozrast.ru).

² Ари Сет Коэн – ведущий блога о моде в старшем возрасте.

одежда для зрелого мужчины: сезон 2013», «Пенсионеры, в которых влюблены пенсионерки». Еще одна подтема – косметологические и хирургические вмешательства, направленные на модифицирование стареющего тела: «Как вернуть молодость рукам», «Ринопластика: долой годы», «Использование лазера в косметологии». Ко второму способу можно отнести рассказы и фотографии публичных личностей, добившихся успеха в самопрезентации своего возраста: такие истории подаются как «пример» для читателей («Наталья Ветлицкая показала как выглядит в свои 51», «50 самых красивых знаменитых женщин Голливуда после 50»).

В соответствии с целью данного исследования для анализа было отобрано 36 публикаций, соответствующих следующим критериям: (1) не состоящие из одного или нескольких видеороликов; (2) не состоящие полностью из подборок изображений, объединенных определенной тематикой (фотографий публичных личностей, моделей, образцов стрижек и предметов одежды); (3) насыщенные информацией в текстовом виде. Далее была использована адаптированная методика анализа категоризации взаимодействий (Silverman 1993; Здравомыслова, Темкина 2007). Так, в процессе работы с текстами были выделены и тематически сгруппированы категории, используемые авторами для определения и регулирования внешнего вида в старшем возрасте, которые были интерпретированы при помощи концепций, описанных в предыдущей части статьи.

Итак, как определяется внешний вид человека старшего возраста, и аргументируются требования к приведению его в новое состояние? Одной из повторяющихся тем становится сравнение старения и «молодости»: человек пожилого возраста ставится в условия конкуренции с теми, кто «моложе». Иногда старший возраст позиционируется как преимущество: «Дамы в возрасте по сравнению с молодыми имеют неоспоримое преимущество – им нет нужды придерживаться общепринятых канонов» (Материал 2) или

обычно люди, подходящие вплотную к порогу «третьего возраста», уже полностью и прочно определили свои вкусы, и куда лучше молодежи знают: что им идет, что нравится и в чем они выглядят наиболее привлекательно (Материал 3).

В других случаях утверждается, что люди старшего возраста «проигрывают» в сравнении с «молодыми», на которых ориентируются «стандарты красоты», но такое положение, тем не менее может быть исправлено при использовании определенной одежды, косметики, прически или другого средства: «У каждой женщины есть одно заветное желание – как можно дольше оставаться молодой» (Материал 4), «Надо добавить в одежду спортивные элементы, которые всегда ассоциируются, как и сам спорт, с молодостью» (Материал 5), «Женщина, как прекрасный цветок, должна быть всегда свежей и молодой. Что же делать, если

первая седина уже начала пробиваться сквозь густую гриву роскошных волос?» (Материал 6).

Практически все статьи гендеризированы: особое внимание авторы уделяют «разведению» идентификации читателя как «женщины» или «мужчины»: *«Немного о красоте, мы же женщины! Несмотря на возраст»*. Идентификация себя как «женщины» или «мужчины» субъектом старшего возраста через приобретение предметов позиционируется как основной инструмент для отстаивания своей ценности, места в обществе, заявления о праве на активное продолжение жизни:

И если мы согласны, что после сорока жизнь только начинается, то лет этак после пятидесяти ее знаками среди прочего должны быть хорошие одежда, и обувь, и косметика» (Материал 6).

Ограничения в возможностях приобретения и использования товаров позиционируются как личный выбор, который объясняется когнитивными особенностями стареющего субъекта. Так, в одной из статей автор признает различие между «западными пенсионерами» и «советскими бабушками» в их достатке, но отмечает, что отсутствие требуемого внимания к внешнему виду связано со стремлением людей старшего возраста к комфорту и практичности, предлагая альтернативы:

Чтобы выглядеть стильно, не обязательно гнаться за модными тенденциями, дамам можно просто добавить в свой наряд красивые пуговицы, элегантный воротничок или бант, яркий шарфик и бусы (Материал 7).

Для того чтобы «оставаться женщиной/мужчиной» в пожилом возрасте, необходимо постоянно работать над своим телом. При этом такая работа определяется как особые действия, которые отличаются от выполняемых людьми в другом возрасте. Так, человеку старшего возраста необходимо правильно подбирать одежду; проходить медицинские процедуры, скрывающие «атрибуты» телесности, указывающие на возраст; использовать особый вид макияжа: *«Молоденьким-то ничего и не надо. Проснулась, умылась, причесалась... и все. Зачем макияж?»* (Материал 8).

Помимо привлечения и удержания интереса к личности со стороны «других», внимание к внешнему виду также описывается в категориях поддержания психологического самочувствия, самоуважения для человека старшего возраста, повышения уровня субъективного благополучия. В ряде статей работа над внешним видом позиционируется как механизм преодоления общественных стереотипов и улучшения психологического состояния:

Нам еще надо долго работать над тем, чтобы люди привыкли: пожилая женщина – это не бабушка в платочке на скамейке перед подъездом, а гордая особа, которая умеет себя ценить (Материал 9)

Именно внешние проявления дают человеку гармонию и равновесие, чтобы в полной мере реализовать лучшие душевные качества (Материал 10).

Теме сочетания моды и старения в анализируемом разделе также уделено много внимания. Мода становится еще одной осью, вокруг которой человек старшего возраста должен координировать свой внешний вид, тело, возраст и статус, соблюдая баланс между тем, чтобы показаться одетым «слишком молодо», и «неряшливостью», интерпретируемой как признак «депрессивности», нежелание «ценить жизнь» и проявить себя как «индивидуальность», которые объясняются особым историческим контекстом:

Выбор пенсионерами «старушечьей одежды» – отражение влияния послевоенного дефицита и изолированности страны от мира, считают эксперты. Кроме того, наши люди долго жили в условиях политического режима, где пресекались любые проявления индивидуальности <...> Большинство пожилых людей испытывает депрессивное состояние, тоскует об утраченной красоте и молодости. Многие серьезно болеют. Но есть люди, которые с годами начинают ценить жизнь особенно сильно. Это, безусловно, проявляется во всех аспектах, в том числе и моде (Материал 10).

Таким образом, от человека старшего возраста требуется не просто «отрицать» и не замечать свой возраст, как это предполагается в дискурсе анти-старения, но подвергать его признаки осознанной обработке и адаптации к нормативным стандартам красоты:

Примите свой возраст, как должное, но не бойтесь выглядеть на тот возраст, в котором вы чувствуете себя в душе. И никогда не подчеркивайте свои года (Материал 11).

Заключение

Таким образом, эстетизация внешнего вида для людей старшего возраста позиционируется в дискурсе как предоставление возможности для участия в практиках, из которых люди ранее могли быть исключены: в сравнении с прошлым, связанным с «дефицитом», «изолированностью», подавлением «индивидуальности», настоящее представляется временем начала новой политики моды в отношении людей старшего возраста.

В то же время возможность доступа к участию в этих практиках формирует определенные ожидания в отношении внешнего вида – опрятности, стиля одежды, прически, косметики, ухода и других инструментов его изменения. Принятие и переосмысление телесных изменений, предлагаемое критической концепцией Сэндберг, представляется как недостаточное для «успешного» старения: красота внешнего вида позиционируется как «достижимая», и ее идеалы должны реализоваться вопреки возрасту при

помощи предназначенных для этого средств. Подчеркивается особая функция навязываемых интервенций: она заключается в восстановлении соответствия жестко определяемым гендерным ролям, которое, в свою очередь, обещает изменить отношение к человеку старшего возраста в обществе, повысить его или ее статус. «Быть» и «оставаться» женщиной или мужчиной необходимо «несмотря» на возраст; таким образом, предполагается, что в результате работы, проведенной согласно предоставленным рекомендациям, должен быть достигнут не только эстетический эффект, но и нормативный идеал женственности/мужественности.

Субъекту «третьего возраста» необходимо соблюдать баланс между тем, чтобы «скрывать» возраст и одновременно «гордиться» им; принимать его, но стремиться к «молодости»; «не отставать от моды», но знать, как адаптировать к ее стандартам стареющее тело. Таким образом, анализ российского дискурса об эстетических представлениях о старении подтверждает тезис об индустрии моды, высказанный Твигг (Twigg 2013: 5–6): современная дискуссия об активном долголетии в отношении внешнего вида в старшем возрасте становится полем, в котором субъект призывается к постоянным переговорам между осмыслением себя, своей телесности, и способами их умолчания при помощи выполнения предписанных действий, а также потребления средств и услуг.

Упомянутые в статье эмпирические материалы Интернет-журнала Третий возраст

Материал 1: «Кто мы такие», <http://www.3vozrast.ru/article/book/kto/6798/> (дата обращения: 19 мая 2016).

Материал 2: «Одежда для женщин третьего возраста», http://3vozrast.ru/article/beauty/u_zerkala/10915 (дата обращения: 27 мая 2016).

Материал 3: «Рубашка для дамы элегантного возраста», <http://www.3vozrast.ru/article/beauty/inlustria/10278> (дата обращения: 27 мая 2016).

Материал 4: «Как оставаться модным, несмотря на возраст», http://www.3vozrast.ru/article/beauty/u_zerkala/4600 (дата обращения: 27 мая 2016).

Материал 5: «Модные и молодые. После бальзаковского возраста», http://www.3vozrast.ru/article/beauty/u_zerkala/596 (дата обращения: 27 мая 2016).

Материал 6: «Красивые волосы – это не мечта, а реальность», http://www.3vozrast.ru/article/beauty/u_zerkala/7882 (дата обращения: 27 мая 2016).

Материал 7: «Моде все возрасты покорны!», http://www.3vozrast.ru/article/beauty/u_zerkala/10291 (дата обращения: 27 мая 2016).

Материал 8: «Для зрелых дам: забота о прическе», http://www.3vozrast.ru/article/beauty/u_zerkala/12340 (дата обращения: 27 мая 2016).

Материал 9: «Мода на женщин в возрасте – новая страсть рекламщиков», <http://3vozrast.ru/article/beauty/experience/12428> (дата обращения: 27 мая 2016).

Материал 10: «Старушечья одежда или модный прикид?», http://www.3vozrast.ru/article/beauty/u_zerkala/12733 (дата обращения: 27 мая 2016).

Материал 11: «Модные советы для дам бальзаковского возраста», <http://www.3vozrast.ru/article/beauty/svedenia/9240> (дата обращения: 27 мая 2016).

Список источников

Здравомыслова Е., Темкина А. (2007) Категоризация взаимодействий: конструирование гендерной идентичности в сексуальной сфере. Е. А. Здравомыслова, А. А. Темкина (ред.) *Российский гендерный порядок: социологический подход*, Коллективная монография, Санкт-Петербург: ЕУСПб: 250–265.

Сергеева О. В. (2012) Социология старения и возрастного неравенства (обзор западных концепций). *Вестник Волгоградского государственного университета*, 2 (17): 74–79.

Шмерлина И. А. (2013) «Либерализация старения»: теоретические иллюзии и эмпирические «аномалии» (Часть II). *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 4 (116): 71–83.

Calasanti T., King N. (2015) Intersectionality and Age. J. Twigg, W. Martin (eds.) *Routledge Handbook of Cultural Gerontology*, London: Routledge: 193–200.

Chappell N. L., Havens B. (1980) Old and Female: Testing the Double Jeopardy Hypothesis. *The Sociological Quarterly*, 21 (2): 157–171.

Gilleard C., Higgs P. (2013) *Ageing, Corporeality and Embodiment*, London: Anthem Press.

Jones I., Hyde M., Victor C. (eds.) (2008) *Ageing in a Consumer Society. From Passive to Active Consumption in Britain*, Bristol: Policy Press.

Katz S. (2001) Growing Older without Aging? Positive Aging, Anti-Ageism, and Anti-Aging. *Generations*, 25 (4): 27–32.

Laslett P. (1987) The Emergence of the Third age. *Ageing and Society*, 7 (2): 133–160.

Laslett P. (1994) The Third Age, the Fourth age and the Future. *Ageing and Society*, 14 (3): 436–447.

Lynott R. J., Lynott P. P. (1996) Tracing the Course of Theoretical Development in the Sociology of Aging. *The Gerontologist*, 36 (6): 749–760.

Marshall B. L. (2015) Anti-Ageing and Identities. J. Twigg, W. Martin (eds.) *Routledge Handbook of Cultural Gerontology*, London: Routledge: 210–217.

- McMullin J. (1995) Theorizing age and Gender Relations. S. Arber, J. Ginn (eds.) *Connecting Gender and Ageing: A Sociological Approach*, Buckingham: Open University Press: 173–199.
- Mendes F.R. (2013) Active Ageing: A Right or a Duty? *Health Sociology Review*, 22 (2): 174–185.
- Phillipson C., Baars J. (2007) Social Theory and Social Ageing. S. Bond, F. Pearce (eds.) *Ageing in Society: European Perspectives on Gerontology*, London: Sage: 68–84.
- Rowe J. W., Kahn R. L. (1997) Successful Aging. *The Gerontologist*, 37 (4): 433–440.
- Sandberg L. (2008) The Old, the Ugly and the Queer: Thinking Old Age in Relation to Queer Theory. *Graduate Journal of Social Science*, 5 (2): 117–139.
- Sandberg L. (2015) Sex, Sexuality and Later Life. J. Twigg, W. Martin (eds.) *Routledge Handbook of Cultural Gerontology*, London: Routledge: 218–226.
- Silverman D. (1993) *Interpreting Qualitative Data*, London: Sage Publication.
- Twigg J. (2013) *Fashion and age: Dress, the Body and Later Life*, London: Bloomsbury.
- Twigg J. (2015) Dress and Age. J. Twigg, W. Martin (eds.) *Routledge Handbook of Cultural Gerontology*, London: Routledge: 149–156.
- Ward R. (2015) Hair and age. J. Twigg, W. Martin (eds.) *Routledge Handbook of Cultural Gerontology*, London: Routledge: 141–149.

Aliia Nizamova

ACTIVE AGEING AND OUTWARD APPEARANCE: HOW DO THEORETICAL CONCEPTIONS AFFECT SELF-PERCEPTION IN OLD AGE?

This article explores the central features behind the discourse of the aestheticization in Russia today, within the context of the 'active ageing' concept. The idea of the pension age as a period of life that should be used for personal growth and active participation in social life is nowadays being employed more and more frequently in NGO and mass-media projects that aim to improve elderly people's quality of life. Some of these projects focus their attention on outward appearance in old age, claiming that they are trying to reform stereotypes about how the elderly should look in Russia. The aim of this research is to analyse the effect of this aestheticization on society's understanding of appearance in old age. Outside of the Russian context, researchers have addressed the issue of appearance in old age as interrelated with gender, sexuality and identity. The demand for constant consideration of the body and physical appearance is understood as a tool to comply with the ideal of 'successful ageing' and is seen as another example of ageism. Clothes, hair and other external attributes must also be maintained in a specific way to achieve compliance with morally acceptable ways of ageing. Using these studies as a basis for our own research, in this article we use discourse analysis as a method of studying the way in which appearance is presented in a popular Russian online magazine for the elderly. Our analysis shows that the magazine's articles present the aestheticization of the elderly's appearance as providing access to social practices that were not available to them before. However, with these new opportunities comes the responsibility of the subject to constantly consider, maintain and understand oneself and the ageing body in order to conform to the new given standard.

Key words: active ageing, appearance, old age, third age

References

- Calasanti T., King N. (2015) Intersectionality and Age. J. Twigg, W. Martin (eds.) *Routledge Handbook of Cultural Gerontology*, London: Routledge: 193–200.
- Chappell N. L., Havens B. (1980) Old and Female: Testing the Double Jeopardy Hypothesis. *The Sociological Quarterly*, 21(2): 157–171.
- Gilleard C., Higgs P. (2013) *Ageing, Corporeality and Embodiment*, London: Anthem Press.

Aliia Nizamova – MA in Sociology, Faculty of Political Science and Sociology, European University at St. Petersburg, Russian Federation. Email: alianizamova@gmail.com

- Jones I., Hyde M., Victor C. (eds.) (2008) *Ageing in a Consumer Society. From Passive to Active Consumption in Britain*, Bristol: Policy Press.
- Katz S. (2001) Growing Older without Aging? Positive Aging, Anti-ageism, and Anti-aging. *Generations*, 25(4): 27–32.
- Laslett P. (1987) The Emergence of the Third Age. *Ageing and Society*, 7 (2): 133–160.
- Laslett P. (1994) The Third Age, the Fourth Age and the Future. *Ageing and Society*, 14 (3): 436–447.
- Lynott R. J., Lynott P. P. (1996) Tracing the Course of Theoretical Development in the Sociology of Aging. *The Gerontologist*, 36 (6): 749–760.
- Marshall B. L. (2015) Anti-ageing and Identities. J. Twigg, W. Martin (eds.) *Routledge Handbook of Cultural Gerontology*, London: Routledge: 210–217.
- McMullin J. (1995) Theorizing Age and Gender Relations. S. Arber, J. Ginn (eds.) *Connecting Gender and Ageing: A Sociological Approach*, Buckingham: Open University Press: 173–199.
- Mendes F. R. (2013) Active Ageing: A Right or a Duty? *Health Sociology Review*, 22 (2): 174–185.
- Phillipson C., Baars J. (2007) Social Theory and Social Ageing. S. Bond, F. Pearce (eds.) *Ageing in Society: European Perspectives on Gerontology*, London: Sage: 68–84.
- Rowe J. W., Kahn R. L. (1997) Successful Aging. *The Gerontologist*, 37 (4): 433–440.
- Sandberg L. (2008) The Old, the Ugly and the Queer: Thinking Old Age in Relation to Queer Theory. *Graduate Journal of Social Science*, 5 (2): 117–139.
- Sandberg L. (2015) Sex, Sexuality and Later Life. J. Twigg, W. Martin (eds.) *Routledge Handbook of Cultural Gerontology*, London: Routledge: 218–226.
- Silverman D. (1993) *Interpreting Qualitative Data*, London: Sage Publication.
- Twigg J. (2013) *Fashion and Age: Dress, the Body and Later Life*, London: Bloomsbury.
- Twigg J. (2015) Dress and Age. J. Twigg, W. Martin (eds.) *Routledge Handbook of Cultural Gerontology*, London: Routledge: 149–156.
- Ward R. (2015) Hair and Age. J. Twigg, W. Martin (eds.) *Routledge Handbook of Cultural Gerontology*, London: Routledge: 141–149.
- Sergeeva O. V. (2012) Sotsiologiya stareniya i vozrastnogo neravenstva (obzor zapadnykh kontseptsiy) [The Sociology of Ageing and Age Inequality (An Overview of Western Conceptions)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta* [Review of Volgograd State University], 2 (17): 74–79.
- Shmerlina I. A. (2013) 'Liberalizatsiya stareniya': teoreticheskie illyuzii i empiricheskie 'anomalii' (Chast' II) [The 'Liberalisation of Ageing': Theoretical Illusions and Empirical 'Anomalies' (Part 2)]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 4 (116): 71–83.
- Zdravomyslova E., Temkina A. (2007) Kategorizatsiya vzaimodeystviy: konstruirovaniye gendernoy identichnosti v seksual'noy sfere [A Categorisation of Interactions: The Construction of Gender Identity in the Sexual Sphere]. E. A. Zdravomyslova, A. A. Temkina (eds.) *Rossiyskiy gendernyy poriyadok: sotsiologicheskiiy podkhod, Kollektivnaya monografiya* [The Russian Gendered Order: A Sociological Approach. Collected Volume], St. Petersburg: EUSP: 250–265.